

«Албанская заря»: российское общество и албанский вопрос в начале XX в. (по материалам некоторых «толстых» журналов)

29 июля 1913 г. на карте Европы появилось новое, никогда ранее не существовавшее государство — независимая Албания. Судьба ее фактически была решена довольно далеко от собственно албанских земель — в Лондоне, где в конце 1912 — начале 1913 гг. проходили два крупных дипломатических форума, имевших целью урегулировать положение на Балканском полуострове после победоносных действий Балканского союза против Османской империи в Первой Балканской войне: мирные переговоры союзников с Турцией и конференция послов шести великих держав. И судьбу Балкан в тот период определила эта последняя. Именно великие державы взяли на себя устройство балканских дел, не допустив к этому фактических победителей. По донесению советника русского посольства в Лондоне Н.С. фон Эттера от 6 марта 1913 г., «так как разграничение Албании взято державами в свои руки, то до окончания оною никакие действия Сербии и Черногории не могут создавать никаких новых прав»¹.

Иными словами, какие бы претензии не предъявляли балканские союзники, окончательное решение всегда должно было остаться за Европой, которая, как «беспристрастный арбитр», руководствовалась здесь всецело своими интересами. По словам лидера Конституционно-демократической партии (партии кадетов) и главы тогдашней оппозиции в Государственной думе П.Н.Милюкова, «...нити сложной ткани перемен в этом “ветряном углу” Европы восходили выше, к европейской дипломатии и, через нее, к европейским дворам»².

Образование албанского государства стало следствием длительного развития так называемого «албанского вопроса», заключавшегося не только в нарастающей интенсивности албанского национально-освободительного движения, но и в пересечении интересов самых разных держав, не только балканских, но и весьма далеких от них географически. Решение албанского вопроса стало одной из ключевых проблем в международных отношениях в Старом свете в начале XX в. Борьба за «турецкое наследство» породила множество территориальных споров между государствами региона.

Отношения России с Балканами, ее интересы не укладывались в узкие рамки внешней политики. Многовековые исторические, культурные, религиозные, этнические связи русского государства с балканскими народами обостряли внимание русского общества к региону в кризисные моменты его истории. Живая реакция разных его слоев на страдания балканских народов в период османского господства в более поздние эпохи отражалась на страницах периодической печати, как ежедневной, так и с более редким режимом выхода в свет. В данной работе будет рассмотрено освещение албанского вопроса накануне и в период Первой Балканской войны, а именно с 1908 г. (Младотурецкая революция, оказавшая влияние и на албанские земли Османской империи) до 1913 г., когда албанский вопрос на Балканах был решен на следующие почти 100 лет в известном нам виде.

Использование в качестве источника ограниченного числа так называемых «толстых» журналов не является случайным. По словам одного из крупных отечественных специалистов по истории периодической печати в России Б.И. Есина: «Журнал занят, в основном, формированием общественного мнения, газета — его отражением»³. Это мнение особенно справедливо в отношении русской периодической печати начала XX в., поскольку после «Манифеста» 17 октября 1905 г., отменившего предварительную цензуру и позволившего публично выражать точку зрения сторонникам того или иного общественно-политического направления или движения, на страницы печати хлынул поток самых разнообразных мнений. Сочетание изложения фактической стороны дела с ее анализом, субъективность оценок того или иного автора

при сопоставлении материалов из разных журналов могут нам дать более или менее объективную и весьма интересную картину происходившего.

Характеризуя основные направления русской печати того времени, необходимо отметить, что после революции 1905–1907 гг. на волне демократизации общественного мнения преобладание в «толстых» журналах получили представители «левых» (либеральных, народнических и социал-демократических) течений. С 1906 г. перестал выходить главный орган консерваторов — катовский «Русский вестник». Власть над умами читателей окончательно перешла к западнически-прогрессистским «Вестнику Европы» (Санкт-Петербург — СПб.), «Русской мысли» (Москва), народническому «Русскому богатству» (СПб.) и, в меньшей степени, к «Современнику» и «Современному миру» (оба СПб.) — органам правых социал-демократов. Следует отметить, что прямое отождествление того или иного издания с определенной партией или движением было бы не совсем правильным. Все они называли себя внепартийными и независимыми. Однако это не мешало им быть зеркалом демократических направлений. Не случайно тон в этих изданиях задавали видные представители «лояльной оппозиции»: П.Н. Милуков, П.Б. Струве, В.Г. Короленко, А.В. Амфитеатров, М.М. Ковалевский и др.

Для нас представляет особенный интерес позиция указанных журналов по проблемам внешней политики. Все они не упускали возможности подвергнуть критике «официальный» патриотизм правой прессы, считая его проявлением шовинистических великодержавных устремлений⁴. Естественно, что в собственных публикациях они стремились всячески откреститься от подозрений в подобных настроениях, хотя правые издания неоднократно обвиняли либералов-западников в том, что они, предавая забвению имя славянофилов, в то же время часто пользовались их теоретическими положениями⁵. Действительно, с общественным мнением, которое с началом Первой Балканской войны решительно выступило на стороне славян, нельзя было не считаться.

Конечно, в позициях журналов были отдельные частные различия. Так, «Русское богатство» даже в период накала страстей старалось избегать прямых выступлений в защиту балканских

государств и интересов России. Ведущим его международного раздела в тот период был Н.С. Русанов, член партии эсеров, казавшийся чрезмерно «левым» даже для этого народнического журнала⁶.

Более влиятельные «Русская мысль» и «Вестник Европы» стремились придерживаться подчеркнуто объективной позиции. Они привлекали к освещению балканских дел известных специалистов: А.М. Петряева, русского эксперта на Лондонской конференции послов и бывшего русского консула в Битоли и Митровице, слависта А.Л. Погодина и др. Однако при всей непредвзятости позиции эти журналы больше остальных приблизились к одобрению балканской политики тогдашнего министра иностранных дел Российской империи С.Д. Сазонова, вызывавшей серьезные нарекания в консервативной прессе.

Наконец, интернациональную позицию занимали журналы «Современник» и «Современный мир». Выступления их авторов по проблемам Первой Балканской войны (В. Водовозов, К. Вейдемюллер, Н. Борецкий-Бергфельд) пропитаны неприкрытой неприязнью даже к самым сдержанным попыткам отечественного МИД защитить интересы России от иностранных посягательств. «Современник» иногда и вовсе ограничивался публикацией статей австрийского марксиста О.Бауэра, видимо, полагая, что и во внешнеполитических вопросах взгляды схожих политических сил, вне зависимости от их государственной принадлежности, должны совпадать.

Русские консерваторы не имели в то время своих «толстых» общественно-политических журналов. Однако их взгляды достаточно хорошо отражает еженедельная газета «Славянские известия» (выросшая из одноименного журнала, который менял свою периодичность от ежегодной до еженедельной). Ее издавало Санкт-Петербургское славянское благотворительное общество, которое в 1912–1914 гг. возглавлял герой русско-турецкой войны 1877–1878 гг. генерал П.Д. Паренсов, в 1879–1880 гг. занимавший пост военного министра Болгарии.

Направление этого издания можно охарактеризовать как традиционное славянофильство, развивавшее идеи А.С. Хомякова, И.С. Аксакова и особенно Н.Я. Данилевского. Россия и балкан-

ское славянство, по мнению авторов «Славянских известий», — неразрывные части единого целого, Россия — единственная страна, имеющая реальные интересы на Балканах, объективно не противоречащие интересам самих балканских народов. Из этого и нужно исходить, определяя русскую политику в этом регионе. Славянофилы противостояли как левым, либеральным общественным деятелям, которых они упрекали в антинационализме, так и крайне правому, германофильскому крылу князя В.П. Мещерского.

Редактором «Славянских известий» в 1902–1916 гг. был известный филолог-славист В.Н. Кораблев. В издании сотрудничали многие крупнейшие слависты: академик А.И. Соболевский (в 1915–1921 гг. возглавлявший Санкт-Петербургское славянское благотворительное общество), специалист по иллиризму П.А. Кулаковский, знаменитый исследователь Черногории П.А. Ровинский⁷, генерал Н.Р. Овсяный, а также весьма популярный общественный деятель А.А. Башмаков, автор книги о Северной Албании⁸.

Для русского читателя начала XX в. Албания была почти совершенно незнакомой страной. Поэтому с обострением ситуации на Балканах перед авторами сначала встала задача в общих чертах сообщить основные сведения об албанских землях, то есть о четырех вилайетах Османской империи с албанским населением той или иной плотности, и о самом народе. Приводимые данные о численности албанцев, взятые из болгарских, итальянских, австрийских и турецких источников, свидетельствуют о том, что в начале XX в. албанцы составляли здесь от 54% населения (Шкодерский и Янинский вилайеты вместе взятые) до 47% (Косовский) и 31% (Битольский)⁹. Сразу отметим, что данные нужно корректировать, так как турецкие власти руководствовались в переписях конфессиональным, а не этническим принципом, так что в число мусульман попадали и албанцы, и местные турки-османы, и исламизированное славянское население. Особенно подробно этнографические и географические сведения, данные об общественно-политическом устройстве и истории отражены на страницах «Славянских известий». Один из авторов (Г. Капчев) пишет: «Албания представляет собой уголок

на Балканах, где всё еще в первобытном состоянии»¹⁰. Конституруется полное невмешательство турок во внутреннюю жизнь албанцев, в том числе в их взаимоотношения с немусульманским населением¹¹. По словам А.А. Башмакова, в отношении албанцев «употребление выражения “турецкое иго” есть скорее риторическая формула, отдающая политическим лицемерием»¹². Авторы издания отмечают роль албанского населения в указанный период как местного контролера над остальными, нетурецкими подданными Империи и сравнивают его с джинном, выпущенным из бутылки, который со временем перестал подчиняться своему освободителю и патрону. Албанцам, в отличие от славян, было оставлено право носить оружие, они были практически освобождены от военной службы и денежных податей. Исключение составляла являющаяся скорее привилегией, чем обязанностью, служба в султанской гвардии. Албанцев также обвиняли в безнаказанном грабеже и сборе дани с православных монастырей¹³. Турецкие судебные власти преимущественно становились на сторону албанцев в их спорах со славянским населением¹⁴.

Необходимо отметить, что из албанской среды вышло много видных османских военачальников и государственных деятелей, отличавшихся личной преданностью султану¹⁵. Только в начале XX в. можно назвать посла Турции в России Тургута-пашу, одного из лидеров младотурок Ниязи-бея, депутатов парламента Эссада-пашу и Исмаила Кемаль-бея (будущего главу временного правительства независимой Албании в 1912 г.).

Албанцы оказались главной опорой османского владычества в регионе, несмотря на множество противоречий в их положении в Империи. Со второй половины XIX в. они в какой-то мере начали заменять в этой роли самих турок, что особенно ярко показали события лета 1912 г.

Авторы указанных журналов большое внимание уделяли такому трудноуловимому, но вполне реальному фактору, как национальный характер албанского народа. Он вырабатывается в процессе развития этноса под влиянием как особенностей его географического положения, так и основных моментов его исторического пути. На складывание национального менталитета албанцев повлияли, в основном, два момента. Прежде всего,

в географическом положении Албания представляла собой тогда труднодоступную горную страну, разбитую естественными преградами на ряд отдельных регионов, сообщение между которыми было затруднено. Кроме того, как считали современники событий начала XX в., албанский этнос в своем развитии почти на полтысячелетия отстал от соседних и в значительной мере сохранил племенное устройство, в то время как его уже окружали независимые государства. Эти черты отмечались даже у тех албанцев, которые спустились с родных гор в долины Косова¹⁶.

Как считалось, албанцы никогда в своей истории не имели собственного государства, всегда входили в состав более крупных государственных образований. Попытку объединения албанских племен, предпринятую в XV в. Георгием Кастриоти Скандербегом, нельзя было в полной мере считать созданием государства, поскольку сразу же после смерти вождя эта структура окончательно вошла в состав Османской империи¹⁷.

Многие из привлекаемых нами изданий отмечали огромное значение в жизни албанцев традиционных родовых обычаев, порой грубых и варварских. Особенно был известен институт кровной мести, который иногда приводил к истреблению целых родов¹⁸. Албанцев отличала также определенная племенная разобщенность, ведущая к постоянным междоусобицам¹⁹. Путешественники, исследовавшие Албанию в XIX — начале XX вв., отмечали такие качества албанцев, как мужественность, недоверчивость, негостеприимство, жадность, вероломство, жестокость, мстительность²⁰. Разумеется, все эти оценки субъективны, однако особая кровожадность албанских племен вошла в историю. А.А. Башмаков даже пытался объяснить ее некой особой формой массового невроза, который выражался в непреодолимом влечении к пролитию человеческой крови. Он называл албанцев психически потрясенной расой²¹. Такое объяснение вряд ли можно считать удовлетворительным, но факт остается фактом. Н.Р. Овсяный, проведший зиму 1912/1913 гг. в Косове, сообщал, что албанцы отличались крайней жестокостью²². В одном Эпире за время Первой Балканской войны они сожгли 42 селения, зверски убив 78 человек²³.

Российские журналы довольно скептически относились к перспективам европеизации албанских племен. По словам

П.А. Ровинского, «у него (албанского народа. — *З. К.*) не видно было национального самосознания, не было сознания того, что он находится под чужим господством»²⁴. Вторит ему и французский путешественник Г. Луи-Жаре, называвший албанцев «народом, дорожающим только своей личной свободой и своим оружием»²⁵. Отсюда следует вывод, что и прочных государственных традиций у албанцев нет, что после смерти Скандербега в 1467 г. не предпринимались попытки освободиться от турецкого владычества, за исключением некоторых католических албанских племен на севере, продолжавших борьбу до конца XVIII в., что было обусловлено географическими и экономическими факторами (труднодоступностью горных районов и малой их экономической ценностью для турецкой администрации)²⁶. Отмечалось также, что так называемое албанское национальное Возрождение, имевшее конечной целью образование собственного государства, началось у албанцев значительно позже соседних народов²⁷.

Вполне естественно, что правящие элиты сопредельных балканских стран с большой тревогой следили за мероприятиями по созданию независимой Албании в 1912 г., которое было чревато для них опасными и непредвиденными последствиями. Выражая это мнение, балканский обозреватель «Славянских известий» К.Д. Бербенко писал: «Автономная Албания будет хуже, чем бывшая Европейская Турция, ибо у турок всё-таки имелась какая ни на есть веками выработанная государственность, тогда как у албанцев, дикого и первобытного народа, отсутствуют какие то бы ни было инстинкты государственности, отсутствуют даже зачатки культуры, нет сознания национального и религиозного единства»²⁸.

Истоки более современной традиции борьбы за некоторую автономизацию албанских земель в составе Османской империи можно обнаружить в период Призренской Лиги (1878–1881 гг.)²⁹. Этот подъем национально-освободительной борьбы был связан с окончательно обозначившимся ослаблением и децентрализацией Османской империи. Лига была создана с целью воспрепятствовать нарушению турецкой, а фактически албанской территориальной целостности в пользу Греции и Черногории. В этот период цели османов и албанцев еще во многом совпадали, что

обусловило долговременную поддержку Портой Призренской Лиги, характер которой был скорее антиевропейским, нежели проалбанским³⁰. Как только пограничные споры Турции с балканскими государствами были урегулированы, Лига прекратила свое существование, а ее наиболее радикальные лидеры эмигрировали.

С этого периода, как пишут рассматриваемые журналы, именно диаспора становится главной силой албанского движения, сменив в этой роли феодальных и племенных вождей. Это сразу же сказалось на его характере: оно утратило свою антиевропейскую направленность³¹. Эмигранты были в основном образованными людьми и находились под сильным влиянием европейских революционных идей. Методы их действий стали более рациональными. Именно в конце XIX в. появились первые албанские газеты, выходившие преимущественно за границами Албании. В рядах эмиграции выдвигаются будущие основатели независимой Албании — Исмаил Кемаль-бей, Фаик Коница и др. Они поднимали аграрный вопрос, чем вызывали недовольство албанских землевладельцев³². В целом их программа была, безусловно, далека от реального положения дел в Албании, поэтому до определенного момента большой популярностью здесь они не пользовались. Албанцев привлекала иная перспектива, наиболее ярко выраженная одним из ранних деятелей албанского движения Сами Фрашери (1850–1904): «Наша страна может управляться и будет управляться демократией старейших, как это было у наших предков и как это происходит у горцев Албании, которые почти свободны и независимы»³³. Здесь мы сталкиваемся с фактическим требованием консервации традиционного родоплеменного строя, которое появится впоследствии, в период албанских восстаний 1910–1912 гг. на фоне внутренней политики в Империи после младотурецкой революции.

В самой Албании большим авторитетом по-прежнему пользовались представители племенной знати — байрактары³⁴. Из их среды также выдвинулся ряд популярных лидеров: Пренк Биб Дода, носивший чин капетана Мирдитов, бей из Митровицы Иса Болетинац, Эссад-паша Топтани из Тираны, занимавший в начале XX в. важные посты в Константинополе.

Требования двух направлений национального движения часто противоречили друг другу. По словам А.М. Петряева, «в лице Эссада и Исмаила Кемаля столкнулись два племени, геги и тоски, два мировоззрения, так как один был представителем и защитником старого феодального порядка, а другой — выразителем и защитником новых демократических идей»³⁵. Но после младотурецкой революции два оппозиционных лагеря сближаются под лозунгом автономии, хотя содержание, вкладывавшееся в это понятие, было у них принципиально разным: модернизация Албании с кантональным устройством по швейцарскому образцу против полной свободы распоряжаться судьбами населявших Албанию народов по своему усмотрению.

Сопредельные государства отнюдь не являлись беспристрастными свидетелями развития событий в Албании, каждое из них стремилось оказать влияние на албанское движение. В этом из европейских держав особенно преуспели Австро-Венгрия (некоторые югославские авторы прямо называли Исмаила Кемаля «австрийским человеком») и Италия, а из балканских стран — Греция и Черногория³⁶.

Немаловажным фактором в начале Первой Балканской войны стала внутренняя обстановка в Османской империи. Младотурки, пришедшие к власти в 1908 г., летом 1912 г. были свергнуты своими политическими противниками. Последние в кратчайший срок (к сентябрю 1912 г.) предоставили албанцам всю полноту власти в границах четырех вилайетов с албанским населением³⁷; административные должности в крупных городах также заняли албанцы³⁸. Эти действия турок вызвали крайнюю озабоченность как славянского и греческого населения упомянутых вилайетов, так и общественного мнения и правительств соседних балканских государств, требовавших от Турции того же для своих соотечественников. Можно с полным основанием сказать, что именно предоставление албанцам фактической автономии, выразившееся в возвращении им прежних «свобод», стало непосредственным толчком к началу Первой Балканской войны.

На страницах «толстых» журналов читателям была представлена по возможности подробная картина переплетений международных отношений и интересов в регионе, как сопредельных

государств, так и великих держав. Корреспонденты и авторы этих изданий с разных точек зрения анализировали цели Сербии, Черногории, Греции, Болгарии, Австро-Венгрии и России. Последнюю критиковали особенно ожесточенно.

Позиция России в албанском вопросе была неоднозначной. Существовал официальный взгляд на проблему, выразившийся в позиции МИД во главе с С.Д. Сазоновым. Всё многообразие точек зрения, отраженное в привлекаемом нами источнике, от него резко отличалось. Между данными полюсами зачастую возникали серьезные противоречия³⁹. Причиной этого было порой нежелание правительственных кругов, как считали авторы публикаций, держать русское общество в курсе своих намерений⁴⁰. Ими выдвигались обвинения, иногда необоснованные, в несоответствии действий дипломатического ведомства реальным интересам России и славянства, а зачастую и в его некомпетентности⁴¹. При этом к началу Первой Балканской войны расстановка сил в Европе по албанскому вопросу была в целом ясна, стремления держав, имевших интересы в этом регионе, определились достаточно четко. С одной стороны, было очевидным желание части балканских союзников решить свои проблемы за счет албанских земель, с другой — желание Австро-Венгрии и Италии всячески этому воспрепятствовать. Отношение Франции и Германии к албанскому вопросу определялось, в основном, союзническими обязательствами. Великобритания пыталась воспользоваться ролью арбитра и получить максимальные выгоды со всех сторон, не допустив усиления ни одной из держав⁴².

Позиция России определялась рядом факторов, порой противоречащих друг другу.

1. По авторитетному свидетельству С.Д. Сазонова, Россия не имела каких бы то ни было интересов на Адриатическом побережье. Попытки приписать России стремление самой проникнуть на Адриатику⁴³ вряд ли имели под собой основание: такой путь был для нее крайне сложен и фактически нереален. Значительно больший интерес для России представляла зона Константинополя и Проливов. Поэтому отсутствие прямой территориальной заинтересованности позволило ей придерживаться лозунга «Балканский полуостров — для балканских народов!»⁴⁴.

2. В то же время отсутствие территориальных претензий не означало полную отчужденность России от этого региона. По словам академика А.И. Соболевского, «Россия — единственное не балканское государство, связанное с Балканами жизненными интересами. Наши интересы не призрачные, не выдуманные, не преувеличенные, а установленные жизнью веков. Они не идут вразрез с интересами балканских народов»⁴⁵. Особенно давними и прочными, как известно, были связи России с Черногорией, которую часто называли «единственным верным другом России»⁴⁶. Считалось постулатом международной политики, что позиция России в основном совпадает со славянскими интересами и что при нападении какой-либо державы на Сербию или Черногорию она непременно вступится за них. А.А. Башмаков писал об австро-сербском конфликте по поводу порта на Адриатике, к получению которого так стремилась Сербия: «Предстоящая здесь драма для нас не чуждая: она — наша»⁴⁷.

Однако в рассматриваемый период в отношении России к балканским славянам появились новые черты. Возглавивший в октябре 1910 г. русское дипломатическое ведомство С.Д. Сазонов считал, что «историческая миссия России — освобождение христианских народов Балканского полуострова из-под турецкого ига к началу XX века была настолько выполнена, что окончательное ее завершение могло быть предоставлено усилиям самих освобожденных народов»⁴⁸. Сходился с ним в этом и лидер думской оппозиции П.Н. Милюков: «С этих пор... с России снята обуза постоянных забот об интересах славянства в целом»⁴⁹.

3. После Берлинского конгресса 1878 г. главной осью международных отношений на Балканах стали русско-австрийские противоречия⁵⁰, заменившие собой русско-турецкие. Таким образом, Балканский регион окончательно вошел в сферу общеевропейской политики, а Россия отныне была вынуждена здесь считаться с «европейским концертом». Как заявлял директор Ближневосточного отдела МИД Г.Н. Трубецкой, «наше министерство всегда стояло на почве солидарности с европейскими кабинетами. Как решат, что называется, большинством голосов — так и будет»⁵¹. Поэтому для того или иного разрешения албанского вопроса было важно, какой концепции будет придерживаться

русская дипломатия: традиционной защиты балканских славян или солидарности с Европой. Официальная Россия выбрала второе, выдвинув принцип локализации Балканской войны, заключавшийся в следующем: 1) отказ великих держав от извлечения ими из войны каких-либо особых преимуществ; 2) отказ с их стороны от каких-либо единоличных выступлений⁵².

На первый взгляд может показаться, что Россия, пойдя на поводу у европейской дипломатии, окончательно отказалась от традиционной защиты балканских славян. Фактическое положение дел было, как известно, сложнее. Принцип локализации войны означал прежде всего попытку предотвратить перерастание балканского пожара в общеевропейский⁵³. Такое развитие событий не устраивало никого, в том числе и Австро-Венгрию. Предполагалось даже, что все воинственные демонстрации Вены против Балканского союза были лишь следствием ее уверенности в том, что в сложившейся ситуации можно добиться наибольших для себя выгод именно дипломатическим путем⁵⁴.

Кратко остановимся на некоторых важных моментах дипломатической борьбы великих держав вокруг албанского вопроса.

Так как еще до начала Лондонской конференции послов великих держав (декабрь 1912 г.), на заседаниях которой должна была решаться судьба победы балканских союзников над Турцией, выяснилось, что Австро-Венгрия не собирается идти на уступки в вопросе о создании Албании и выходе Сербии к морю, С.Д. Сазонов, высказывавший 20 октября 1912 г. мысль о «полюбовном разделе» всех завоеванных ими турецких территорий⁵⁵, был вынужден изменить свою позицию. Через посла в Белграде Н.Г. Гартвига он предложил сербскому правительству уступить, обещая добиться удовлетворения сербских интересов иным путем⁵⁶. Уже на первом заседании Лондонской конференции 17 декабря 1912 г. было достигнуто соглашение о создании автономной Албании и предоставлении Сербии торгового выхода к морю⁵⁷. Однако в отношении внутреннего устройства возникли разногласия. Россия придерживалась формулы суверенитета султана, так что Албания должна была стать автономной провинцией Турции⁵⁸. Австрийский план предусматривал сюзеренитет султана над Албанией, то есть номинальную зависимость Албании от Порты при контроле

великих держав. К марту 1913 г. Россию удалось склонить к принятию австрийского варианта. Но в начале мая Австро-Венгрия выдвинула новое предложение о полной независимости Албании от Османской империи. Россия была вынуждена настаивать теперь уже на союзеренитете, но под давлением собственных союзников, Англии и Франции, снова уступила Австро-Венгрии, что нашло выражение в принятом 29 июля 1913 г. Органическом статуте Албанского государства⁵⁹.

Большую проблему представляли для России границы нового созданного государства, особенно их северный и северо-восточный отрезки. Австро-Венгрия стремилась включить в состав Албании как можно большую территорию, в частности, Метохию с Призреном, Печем и Дьяковым (Джяковицей), а также Дибру (Дебар) и Скутари (Шкодер). Русский посол в Великобритании А.К. Бенкендорф представил свой вариант разграничения, по которому все эти пункты отходили к Сербии и Черногории⁶⁰, а границы шли по естественным географическим рубежам⁶¹. Началась затяжная дипломатическая дуэль. Вена сравнительно легко примирилась с уступкой Сербии Призрена и Печа (конец января 1913 г.), а затем и Дибры (начало февраля 1913 г.)⁶², но Дьяково стало «яблоком раздора». Русскому послу удалось увязать вопрос о судьбе Дьякова с проблемой Скутари. Черногорцы, продолжавшие осаждать Скутари, оказали здесь неплохую услугу российской дипломатии. В конце концов было негласно решено «обменять» Скутари (остался за Албанией) на Дьяково⁶³.

Совершенно неожиданно вопрос принадлежности Скутари выдвинулся на первый план. Король Черногории Никола Петрович решительно отказался прекратить осаду города и оставить его за Албанией. Позиция России в этом вопросе оттолкнула от нее Черногорию. Король Никола для достижения своих целей задействовал все рычаги, в том числе и свои родственные связи. Еще в декабре 1912 г. его дочь, русская великая княгиня Милица Николаевна ходатайствовала перед тогдашним премьер-министром России В.Н. Коковцовым о дипломатической поддержке Черногории в вопросе Скутари, но получила неблагоприятный ответ⁶⁴. Еще более жестким было заявление С.Д. Сазонова 21 февраля 1913 г. о том, что в случае продолжения осады

на короля падет вся ответственность за последствия⁶⁵. В апреле 1913 г. министр выступил инициатором морской демонстрации со стороны Антанты у черногорских берегов⁶⁶. При этом он, безусловно, исходил из лучших побуждений: международная морская демонстрация была предпочтительней, чем единоличное выступление Австро-Венгрии против Черногории, которое не заставило бы себя долго ждать. Однако эта мера оказалась крайне непопулярной как в Черногории, так и в самой России.

По словам английского посла в Российской империи Дж. Бьюкенена, русская дипломатия путем второстепенных уступок добилась, в целом, положительного для себя исхода⁶⁷. С этим вряд ли можно согласиться — позиции России на Балканах после Первой Балканской войны стали значительно слабее. По словам П.Н. Милюкова, «в обоих спорных пунктах — о территории Албании и о выходе к Адриатическому морю — Россия не рисковала оказывать Сербии сколько-нибудь сильную поддержку»⁶⁸. Неизбежным результатом этого стало охлаждение русско-сербских и особенно русско-черногорских отношений. После же Второй Балканской войны и русско-болгарским отношениям был нанесен большой ущерб⁶⁹.

В целом решение албанского вопроса можно охарактеризовать как дипломатическую победу Тройственного союза над Антантой⁷⁰. Причина этого была ясна изначально: «В то время как Тройственный союз работает с поразительной энергией против Балканского союза, Тройственное соглашение проявляет неопределенную деятельность, дряблость и слабость»⁷¹. Англия в лице своего министра иностранных дел Эдуарда Грея открыто заняла позицию «над схваткой», зачастую даже поддерживая требования противного блока⁷². «Европейский концерт», казалось бы, распавшийся на два враждующих лагеря, фактически вновь объединился против России и славянства. По словам П.Д. Паренсова, Европа «поступила так же, как и в 1878 г., и сделала всё, чтобы, елико возможно, урвать результаты, добытые войной»⁷³. Если русская дипломатия на многое шла ради соблюдения союзнических обязательств, то союзники отнюдь не платили ей взаимностью. Резонным представляется замечание П.В. Струве: «Россия должна с полной ясностью очертить с в о и собственные интересы»⁷⁴.

Русское общество не осталось безучастным зрителем драмы, разыгрывавшейся в столь важном для России регионе. Албанский вопрос стал предметом острой, а порой и ожесточенной полемики различных общественных направлений. Причем дискуссии шли не столько о будущей Албании, сколько о той позиции, которую должна занять Россия в сербско-австрийском противостоянии.

Даже в официальных кругах не было единого мнения по этому вопросу. Фактически политику С.Д. Сазонова, направленную на локализацию войны, поддерживал лишь премьер-министр В.Н. Кокковцов, который принял на себя ответственность за внешнюю политику России⁷⁵. Император Николай II занимал менее последовательную позицию. С одной стороны он, по словам С.Д. Сазонова, «проявил в эту тревожную минуту ясность политической мысли и твердость воли, кои положили конец тем интригам, которые толкали нас на путь европейской войны»⁷⁶. С другой стороны, ему отнюдь не были чужды славянские симпатии. Даже в самом дипломатическом корпусе не все поддерживали линию С.Д. Сазонова. В частности, посланник в Сербии Н.Г. Гартвиг, имевший сильное влияние в Белграде, был явно более настроен в пользу славян, чем его руководство, что вызывало недовольство министра⁷⁷. Выделялась группа дипломатов, которых обвиняли в австрийских симпатиях, как, например, посол в Вене Н.Н. Гирс и посланник в Цетине А.А. Гирс. Последний прославился своим донесением в Петербург, в котором обосновывал «вредность» присоединения Скутари для самой Черногории⁷⁸.

Еще более разнообразные точки зрения имели место в разных кругах «неофициальной» России. Считалось, что русское общество в славянском вопросе в значительной степени влияет на принятие тех или иных дипломатических решений. По словам А.А. Башмакова, «твердость русского общественного сознания ... влияет и на твердость славянского самосознания там, на далеком юге; к нему прислушиваются, конечно, и в австро-венгерских сферах». И для русских дипломатов «тягостно было бы работать, если бы они не имели за спиной этого, подчас неудобного, но всё же необходимого *enfant terrible* русского общественного и национального сознания, которое поощряет к мужеству, а, стало

быть, и поддерживает»⁷⁹. Постепенно общественное мнение стало оказывать давление на правительственные круги⁸⁰.

Если рассматривать позиции основных общественно-политических течений России по отношению к албанскому вопросу, то они последовательно выстраиваются, так сказать, «слева направо» и отражаются в привлекаемом нами типе источников.

1. **Социалисты марксистского толка**, выразившие свои взгляды в журналах «Современник» и «Современный мир» (В. Водозовов, К. Вейдемюллер, Н. Борецкий-Бергфельд и др.). Основовоплагающими для них были директивы II Интернационала, выдвинувшего лозунги: «Никакого вмешательства в балканские дела! Сохранение мира!»⁸¹. Балканская война, по мнению марксистов, была «ничем иным, как международной революцией», направленной против защитников старого порядка — великих держав и Турции⁸². Последователи К. Маркса унаследовали от него стойкую неприязнь к России, которая, по их мнению, угрожала реакцией всей Европе, в отличие от Австро-Венгрии, вносившей реакцию лишь на Балканы⁸³. Правомерность сербских претензий на Косовский и Шкодерский вилайеты поэтому резко оспаривалась⁸⁴. По мнению авторов рассматриваемых журналов, Сербия сама должна была выступить защитницей албанской автономии, коль скоро она желает избавиться от австрийского влияния на Балканах, а не переходить от самообороны (защиты славян) к нападению (угнетению албанцев)⁸⁵.

Социал-демократические издания резко обрушивались как на выразителей традиционных славянофильских взглядов, так и на «неославянофильство» либералов, которые, по их мнению, «желали прикоснуться к чужим знаменам»⁸⁶. Их позиция оценивалась как «зоологический национализм»⁸⁷, в то время как Албания вполне может стать жизнеспособным государством, свободным от австрийского и итальянского влияния⁸⁸. Предоставление албанцам государственности было бы наиболее полным осуществлением национального принципа на Балканах.

Анализируя левое направление отечественной журналистики, отраженное в ряде «толстых» журналов, несколько слов скажем о тесно примыкавшей к нему публицистике Российской социал-демократической рабочей партии. В общем социалистическом

хоре тогда еще мало кому был слышен голос незадолго перед тем начавшей выходить в качестве легальной массовой рабочей газеты большевистской «Правды», в которой почти каждый день под разными псевдонимами появлялись заметки В.И. Ульянова. В октябре 1912 г. его тексты были посвящены преимущественно событиям начавшейся Первой Балканской войны. Тогдашняя позиция В.И. Ульянова полностью находилась в русле направления II Интернационала, выдвинувшего лозунги предотвращения европейской войны, невмешательства великих держав в балканские события и создания «Федеративной балканской республики»⁸⁹. Следует отметить лишь несколько черт, выделявших ленинские взгляды из ряда других. Это, во-первых, его особенная резкость при нападках на русское правительство, консервативную и либеральную прессу, доходящая до «непарламентских» выражений: «разбойничьи династии Габсбургов и Романовых», «гнусная, провокаторская ложь о свободолюбивом царизме»⁹⁰, «обывательская публика, развезя уши, слушает эти рассказы, принимая побасенки за чистую монету, и слепо идет за аферистами»⁹¹. Во-вторых, его особое, многократно выраженное недовольство «бесстыдной травлей Австрии», «науськиваниями на Австрию»⁹². Русский царизм, по мнению лидера большевиков, «во сто раз больше запачкан кровью и грязью, чем монархия Габсбургов»⁹³. В-третьих, полное отрицание «славянских задач» России, которые характеризуются как «лживые речи помещиков и купцов», а ее помощь балканским славянам — как поведение «лисы в курятнике»⁹⁴. Ленин считал, что главная задача на Балканах — не национальное освобождение славян, а экономическое и политическое освобождение славянских и турецких крестьян от власти славянских и турецких помещиков⁹⁵.

Албанские «крестьяне и помещики» в этот список не включены, из чего следует, что специалистом в области албанского вопроса Владимир Ильич не был. Албания в его текстах упоминается исключительно как предмет вожелений Италии⁹⁶, что опять же свидетельствует о непонимании им всего значения «албанского узла».

2. Социалисты народнического толка, главным печатным органом которых был журнал «Русское богатство». Позиция

Н.С. Русанова, международного обозревателя этого издания, во многом совпадала со взглядами, рассмотренными нами выше, отличаясь лишь бóльшим реализмом. Он прекрасно понимал невозможность строгого проведения в жизнь национального принципа при установлении новых государственных границ на Балканах из-за этнической пестроты последних⁹⁷. Хотя Албания так или иначе должна будет подпасть под австро-итальянское влияние, но это не повод выступать против ее автономии⁹⁸. Признавая обоснованность греческих претензий на южную Албанию⁹⁹, Н.С. Русанов не признаёт обоснованность сербских требований¹⁰⁰. По его мнению, «коридор» к морю для Сербии можно провести и через славянские (то есть черногорские) земли¹⁰¹. Особую антипатию Н.С. Русанова вызывает черногорский монарх¹⁰².

Необходимо отметить, что журналы социалистического направления не имели значительного веса в русском общественном мнении по албанскому вопросу.

3. Одним из наиболее влиятельных течений в русской общественно-политической мысли были **левые либералы**, рупором которых выступал орган кадетской партии газета «Речь», возглавляемая П.Н. Милюковым. Позиция последнего в этот период была наиболее близка к точке зрения официальных кругов. П.Н. Милюков и С.Д. Сазонов солидаризировались в общей оценке роли России в балканской политике: избавившись от обузы безусловного потакания славянским требованиям, Россия, по их мнению, должна была выступать как один из членов «европейского концерта». В указанный период «Речь», по характеристике консервативной прессы, стала настоящим официозом министерства иностранных дел¹⁰³. Это парадоксальное сближение лидера оппозиции с правительственными кругами вызывалось несколькими причинами: ярко выраженной западнической ориентацией П.Н. Милюкова и его неприятием славянофильства и панславизма¹⁰⁴, его болгарскими симпатиями в ущерб Сербии¹⁰⁵ и, наконец, личным стремлением оказывать влияние на выработку внешнеполитического курса России¹⁰⁶.

В ноябре-декабре 1912 г. внимание русского общества было привлечено к полемике П.Н. Милюкова с сербским ученым А. Беличем¹⁰⁷, в которой взгляд лидера кадетов на албанский

вопрос определился с полной ясностью. Опровергая выводы оппонента о нереальности создания албанской государственности, П.Н. Милюков выступил ярким поборником автономии Албании, считая, что со временем «успехи албанской народной школы» изменят ситуацию к лучшему¹⁰⁸. Справедливо заметил по этому поводу А.А. Башмаков: «Но ведь реальная политика строится по н ы н е существующим данным, а не по тому, что будет через несколько поколений»¹⁰⁹.

Не случайно, что в период кризиса вокруг Скутари милюковская «Речь» оказалась почти единственным печатным органом, поддерживавшим правительство. Сдача Скутари Эссадом-пашой Черногории была охарактеризована как «раздаривание Албании по кусочкам»¹¹⁰. Газета даже требовала изгнать Эссада из Албании. Результаты Лондонской конференции были охарактеризованы «Речью» как блестящая победа русской дипломатии¹¹¹. Справедливости ради нужно сказать, что даже в самой кадетской партии у П.Н. Милюкова почти не было единомышленников по албанскому вопросу — против него возникла сильная оппозиция (М.М. Ковалевский, А. Н. Брянчанинов)¹¹².

4. Взгляды **умеренных либералов** (иными словами, правого крыла кадетов и октябристов) были представлены в таких очень влиятельных журналах, как «Вестник Европы» и «Русская мысль». Это течение, бесспорно, играло важнейшую роль в среде русской интеллигенции. К нему относились такие деятели, как крупнейший социолог М.М. Ковалевский, философ и экономист П.Б. Струве, видные слависты А.Л. Погодин и П.А. Лавров, дипломат А.М. Петряев. Именно среди них возникло так называемое «неославянофильство», подвергавшееся критике как справа, так и слева. Левая интеллигенция считала их ренегатами, а традиционные славянофилы так и не приняли их в свой круг¹¹³. Критикуя «националистов» и «панславистов», «Русская мысль» и «Вестник Европы» при этом заимствовали многие свои положения из их арсенала, что зачастую приводило к непоследовательности и противоречиям в их позиции.

Эта непоследовательность проявилась и в албанском вопросе. Дело доходило до того, что на страницах этих журналов высказывались кардинально противоположные точки зрения на албанское

движение: то как прогрессивно-националистическое¹¹⁴, то как мусульманско-консервативное¹¹⁵, то просто как хорошо организованный мятеж¹¹⁶. Можно, конечно, видеть в этом нарочитое стремление к плюрализму. Но скорее здесь налицо тенденция совместить несовместимое: и защитить национальные права албанцев, и поддержать сербов в их борьбе за национальное объединение. Особенно ясно это видно в программной статье издателя «Вестника Европы» М.М. Ковалевского¹¹⁷.

Нетрудно заметить, что по мере обострения балканского кризиса позиция умеренных либералов становится всё более прославянской, антиалбанской и, особенно, антиавстрийской. В отличие от группы П.Н. Милюкова, они подвергают русскую дипломатию уничтожающей критике, обвиняя ее в излишней доверчивости и потакании австро-германским притязаниям. Особенно их упреки усилились после окончания Балканских войн¹¹⁸. Эта оппозиция достигла апогея в период Скутарийского кризиса, когда против курса С.Д. Сазонова они выступили единым фронтом вместе с консерваторами и панславистами¹¹⁹.

5. Значительная группировка **правых** (консерваторов, националистов и панславистов) в основном концентрировалась вокруг газеты «Новое время». Из рассматриваемых нами источников к этому кругу относятся «Славянские известия». Кредо этого направления было: «Нам, русским, идти в славянском деле за Западной Европой стыдно, грешно и неразумно. Напротив, нам следует в настоящее время освободиться от всех опутавших нас договоров и соглашений и бестрепетно и открыто стать на сторону Сербского и Болгарского царств, возрождающихся в их старинных и естественных пределах»¹²⁰. Из этого вытекает антиавстрийская и антигерманская направленность данного течения. В этом отношении правые были более последовательны, чем группа «Вестника Европы» и «Русской мысли», прямо настаивая на необходимости войны с Австро-Венгрией. По словам А.И. Соболевского, «мы не должны останавливаться ни перед войною, ни перед крупными расходами. Наше уклонение от войны теперь должно привести нас к страшной войне потом»¹²¹. В декабре 1912 г. на страницах этого издания известным российским картографом, этнографом и военным А.Ф. Риттихом предлагался даже конкрет-

ный план начала войны: пользуясь недоступностью российских границ с Германией ввиду зимнего времени, вступить в войну с Турцией для защиты балканских союзников, начать военные действия на Кавказском фронте и внезапным ударом Черноморского флота взять Константинополь¹²². Это радикально изменило бы, по мнению сторонников данного общественно-политического направления, стратегическое соотношение сил в Европе¹²³.

Отношение правых кругов к идее независимости Албании было также вполне однозначным. В интервью парижской газете «Фигаро» 9 декабря 1912 г. председатель Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества П.Д. Паренсов заявил: «Идея создания автономной Албании заставила усмехнуться каждого, кто хотя немного знаком с Албанией... Создать царство Албанское — равносильно не только поддержанию, но и организации на Балканах очага постоянных волнений и беспорядков, откуда, несомненно, будут истекать всевозможные осложнения в будущем»¹²⁴. Наиболее оптимальная перспектива для албанцев виделась славянофилам так: «Уж если говорить об автономии Албании, то надо отвести ей то место, которое подходит этому разбойничьему гнезду в его диких горах и болотах»¹²⁵.

В течение всего периода работы Лондонской конференции правые подвергали действия русской дипломатии самой жесткой критике. В отличие от умеренных либералов, они считали уступки России австрийским требованиям не ошибкой, а предательством¹²⁶. Аргумент правительства о том, что Россия не может выступить инициатором европейской войны, ими не признавался. Как считал тогдашний главный редактор издания В.Н. Кораблев, «войны и не требовалось. Нужны были твердый голос и решительные поступки — и больше ничего»¹²⁷.

Среди славянофилов выделялся своей компетентностью и журналистским талантом популярный публицист, редактор газеты «Правительственный вестник» (потерявший, кстати, этот пост ввиду своей острой прославянской позиции) А.А. Башмаков. Его выступления на собраниях Славянского общества, как правило, встречались «громом рукоплесканий, не прекращавшихся в течение нескольких минут»¹²⁸. Особенный эффект произвела его речь «Наш долг на Лондонской конференции» в Клубе общественных

деятели 18 января 1913 г. После этой речи перед А.А. Башмаковым, вызванным к министру внутренних дел А.А. Макарову, была поставлена дилемма: или отказаться от выступлений по славянскому вопросу, или покинуть пост редактора официального издания. На следующий день он заявил в письме министру: «Я предпочитаю видеть разрушение того благополучия, которое я построил в моей жизни 30-летним трудом, нежели отказаться от исполнения того, что я считаю долгом своей совести»¹²⁹. Сразу после этого он вышел в отставку и вскоре уехал в Черногорию в качестве рядового корреспондента «Нового времени».

Пребывание А.А. Башмакова в Черногории совпало по времени со Скутарийским кризисом, вызвавшим наиболее бурную реакцию в правой прессе. «Неужели “единственного друга” решатся выдать головою?» — писал В.Н. Кораблев¹³⁰. Апофеозом накала страстей стали так называемые славянские банкеты, на которых собирались панславистски настроенные члены общества, произнося зажигательные речи и отправляя телеграммы главам славянских государств и великих держав. У истока этих обедов стояли А.А. Башмаков и А.Н. Брянчанинов¹³¹. Участники банкета 14 марта 1913 г. в телеграмме черногорскому королю Николе советовали ему «поступить со Скутари так, как царь Фердинанд с Адрианоподем, не смущаясь решениями дипломатов»¹³². Три дня спустя, 17 марта, мирная манифестация у болгарского и сербского посольств по поводу успехов балканских союзников была разогнана конной полицией, что вызвало новый всплеск возмущения в столичном обществе¹³³. Подобного же рода инцидент повторился 24 марта, после чего, по инициативе С.Д. Сазонова, всякие манифестации, выражающие симпатии славянам, были запрещены¹³⁴. Одним из мотивов такой политики властей стало опасение, как бы прославянские демонстрации не превратились в антиавстрийские митинги, что было чревато крайне нежелательными в тот период осложнениями русско-австрийских и русско-германских отношений.

Под влиянием этих событий 28 марта 1913 г. в гостинице «Европейская» состоялся крупнейший из славянских банкетов. На нем присутствовали и выступали представители практически всех влиятельных политических течений: от умеренно правых —

граф В.А. Бобринский, от либералов-центристов — Н.Н. Львов, от кадетов — А.И. Брянчанинов и др.¹³⁵. На банкете была оглашена приветственная телеграмма Николая II. В выступлениях порой звучали нервные и возбужденные ноты, что объяснялось недавними событиями 17 и 24 марта. Главе правительства был послан запрос, в котором, в частности, говорилось: «Россия не может мириться с образованием никогда не существовавшего Албанского государства в ущерб исторически законных прав славян... Русское общество не допускает мысли о возможности устранения Сербии от владения жизненно ей необходимым берегом Адриатического моря»¹³⁶. Осуждалась в запросе и передача Албании Скутари.

б. Немногочисленное, но довольно влиятельное течение **крайне правых** в политическом спектре было представлено «Гражданином» князя В.Н. Мещерского. Для полноты картины коротко скажем и об этом направлении. Его ориентацию можно назвать германо- и австрофильской. Из этого вытекает его антиславянская направленность. Доходило до того, что после упомянутой нами речи А.А. Башмакова 18 января 1913 г. в «Гражданине» появился фактически донос на него как на лицо официальное: «Башмаков устраивает в Петербурге и Москве обеды с преступной целью возбуждать умы против правительства»¹³⁷.

В связи с обозначившейся негативной позицией большинства значимых русских печатных изданий по поводу создания Албанского государства упомянем и довольно едкий фельетон В.Е. Жаботинского — яркого журналиста, которому в молодости прочили славу великого русского писателя, ставшего впоследствии одним из лидеров сионистского движения. Поводом к написанию данного текста стал Албанский конгресс, состоявшийся в Триесте (тогда Австро-Венгрия) 27 февраля — 6 марта 1913 г. Он был организован Фаиком Конигом и Сошером Колеей при финансовой поддержке австрийских властей. Численность делегатов из собственно Албании, представлявших временное правительство Исмаила Кемалю, достигала, по его оценкам, десятка человек. Остальных делегировали албанские диаспоры из США, Румынии, Египта, Италии и местные албанцы из Триеста. Участники конгресса потребовали от Европы признания временного

правительства Албании во главе с Исмаилом Кемали, обсуждали выбор кандидатуры на албанский престол, подготовили запрос к великим державам о признании политической и экономической независимости Албании, предложили проект договора о дружбе и поддержке арумунского населения¹³⁸ для включения их территорий в состав Албанского государства, предлагали свои границы будущей Албании.

Фельетон «Великая Албания» написан В.Е. Жаботинским в 1913 г.¹³⁹ и содержит его воспоминания об «интервьюировании» им итальянского албанца-однокурсника, члена албанского комитета в Риме в бытность Жаботинского «студентом 19 лет от роду»¹⁴⁰, то есть примерно в 1899–1900 гг. Он, помимо обучения на кафедре права Римского университета, одновременно был тогда корреспондентом газеты «Одесский листок». Автор иронизирует над излишней «серьезностью» и пафосом албанских делегатов от албанских диаспор, многие из которых и не планируют переезжать в пределы будущей независимой родины, и над тем, что судьбы Албании решаются, по сути, иностранцами, а не албанскими албанцами¹⁴¹.

«...Тринадцать лет назад ... албанским движением не интересовался никто. Даже в Италии никто. Албанцев в Италии около ста тысяч. Это не иммигранты, а коренные жители Италии с незапамятных времен. ...Они хорошие итальянские патриоты...

...Так прозябало албанское дело, пока не нашелся умный человек и не нажал нужную кнопку. Если не ошибаюсь, этот умный человек, впервые сказавший «э», был Ансельмо Лореккио, тоже итальянский албанец, довольно известный публицист по этому вопросу. ...Поэтому он перевел центр тяжести вопроса с земли на воду — заговорил не об Албании, а об Адриатическом море. ... Албания как совладычица Адриатики, и при этом, конечно, союзница Италии. ...Пролив между Бриндизи и Валонией будет играть роль Дарданелл. ... Австрия будет в руках Италии и её союзницы. ... Но для этого нужны два условия: во-первых, чтобы Албания стала политическим фактором; во-вторых, чтобы она подпала под влияние Италии»¹⁴². И далее: «...Но снежный ком катится дальше. Раз заинтересовалась Италия, должна заинтересоваться и Австрия. Венская политика дальновиднее римской — в Вене

уже давно знали Албании цену и крепко держались за право покровительствовать над албанскими католиками, предоставленное Австрии международными договорами... Так Албания стала узловым пунктом мировой политики... Автономия Албании стала предметом политической дискуссии. Албания вышла в большой свет. ...

Но тот студентик, с которого начиналась эта история, может потирать руки и ходить, выпяча грудь. Он себе забавлялся, вроде как у нас дети играют в снежки и думают, что это бомбы, — а из его снежного шарика выросла большая лавина. Смешно, странно и жутко. Так иногда зарождаются великие события на земле»¹⁴³.

И действительно, рубеж веков, наступивший через следующие 100 лет, продемонстрировал всю тонкость и точность данного наблюдения.

Таким образом, всё многообразие мнений по албанскому вопросу в русском образованном обществе можно свести к двум точкам зрения: должна ли Россия выступить как защитница славянства или как член «европейского концерта». В официальных кругах восторжествовало второе мнение, но читающая публика в большинстве своем придерживалась противоположной позиции.

По словам А.А. Башмакова, «национальное начало есть действительно умиротворяющее»¹⁴⁴. Однако разрешение албанского вопроса Лондонской конференцией ознаменовало собой лишь начало новой череды раздоров на Балканах. В таком этнически пестром регионе, как Балканский полуостров, последовательная реализация национального принципа наталкивается на сопротивление самого материала, порождая новые всплески сепаратизма и территориальные споры.

Национальные государства не создаются по мановению руки европейской дипломатии. Кстати, эта закономерность оказалась чрезвычайно актуальной в годы современного нам югославского и являющегося его составной частью косовского кризисов. Государство — это результат долгого, порой мучительного развития нации. Албания же в начале XX в. стала независимой как в результате внутренних национально-политических процессов, так, в гораздо большей степени, — под влиянием благоприятного складывания внешних обстоятельств и баланса сил в Европе

в тот период. Могло показаться, что за несколько месяцев она прошла тот путь, на который всем другим потребовались века. Однако дальнейшая судьба албанской независимости оказалась весьма драматичной — большую часть своего самостоятельного существования Албания находилась или под иностранным влиянием, или под властью диктатур, последняя из которых, Э. Ходжи, вырвала страну из общемирового исторического процесса, затормозив, а во многом даже обратив вспять ее развитие. Есть основания утверждать, что такой ход событий был изначально заложен в решениях Лондонской конференции независимо от воли ее участников.

На примере албанского вопроса можно четко увидеть переплетение устремлений и интересов больших и малых держав на Балканах. Те решения, что были в конце концов приняты, носили компромиссный характер. Но любые компромиссы, как известно, представляют собой паллиативные и часто временные меры, способные лишь несколько отсрочить новые конфликты. В сущности, неудовлетворенными оказались все: и сербы, не получившие выхода к Адриатике, и черногорцы, тщетно осаждавшие Скутарийскую крепость, и греки, не получившие всего Северного Эпира, и болгары, потерявшие большую часть Македонии, и сами албанцы, получившие минимум того, на что они рассчитывали. Незавершенность решения историко-политических задач здешними участниками международных отношений обострила взаимный климат настолько, что именно в этом регионе началась Первая мировая война.

Война повлекла за собой полный триумф Сербии, реализовавшей цель собрать свой народ в рамках одного государства, и гибель Габсбургской монархии. Блестящие успехи венской дипломатии в 1912–1913 гг. обернулись сокрушительным поражением несколько лет спустя. Россия же, вынужденная поддержать решения «европейского концерта» ради сохранения мира, так и не добилась своей цели — война началась. Престиж ее на Балканах упал. Сбылось предсказание А.А. Башмакова, что сербы «найдут свои берега без помощи России»¹⁴⁵.

Примечания

- 1 Сборник дипломатических документов, касающихся событий на Балканском полуострове (август 1912 — июль 1913 гг.). СПб., 1914. № 90.
- 2 *Милюков П.Н.* Воспоминания. М., 1991. С. 299.
- 3 *Есин Б.И.* Русская газета второй половины XIX века. Докторская дисс. Рукопись. М., 1973. С. 377.
- 4 *Есин Б.И.* Русская легальная пресса конца XIX — начала XX века // Из истории русской журналистики конца XIX — начала XX века. М., 1973. С. 32 и сл.
- 5 Славянские известия. 1912. № 5. С. 72.
- 6 *Бережная Л.Г.* Журнал «Русское богатство» в 1905–1913 гг. // Из истории русской журналистики начала XX в. М., 1984. С. 71.
- 7 См. также: *Ровинский П.А.* Албанцы и албанское движение // Известия МИД. СПб., 1912. Кн. 6. С. 147–176.
- 8 *Башмаков А.А.* Через Черногорию в страну диких гегов. СПб.: Рус.-фр. Типография, 1913.
- 9 Славянские известия. 1912. № 1. С. 16–17.
- 10 Славянские известия. 1913. № 49. С. 675.
- 11 Славянские известия. 1913. № 27. С. 431.
- 12 Славянские известия. 1912. № 2. С. 23.
- 13 *Вейдемюллер К.* Албанское движение // Современный мир. 1911. № 4. С. 320; *Русанов Н.С.* Продолжение турецкого кризиса // Русское богатство. 1912. № 8. С. 107; Славянские известия. 1912. № 6. С. 89.
- 14 Славянские известия. 1913. № 10. С. 134.
- 15 Славянские известия. 1912. № 2. С. 27.
- 16 Там же. С. 25.
- 17 Там же. С. 26.
- 18 *Бауэр О.* Борьба за Албанию (пер. Н. Гарри) // Современник. 1913. № 5. С. 178; *Петряев А.М.* Албания и албанцы // Русская мысль. 1915. № 5. С. 2; Славянские известия. 1913. № 17. С. 282; № 23. С. 373; № 49. С. 675. Как писал В.Е. Жаботинский: «В начале XX века, по удостоверениям консулов, в Верхней Албании до 70% мужских смертей приписывалось кровной мести». (*Жаботинский В.Е.* Великая Албания // Фельетоны. Берлин, 1922. С. 203. — Режим доступа: zionistishpropaganda.wordpress.com, кнопка «Фельетоны 1922», дата обращения: 28.05.2021).
- 19 Славянские известия. 1912. № 3. С. 34.
- 20 Славянские известия. 1913. № 28. С. 460–462.
- 21 *Башмаков А.А.* Через Черногорию в страну диких гегов. С. 104.
- 22 Славянские известия. 1913. № 12. С. 174.
- 23 Там же. С. 176. Как пишет Н.С. Гусев, сообщения о зверствах противника поступали от всех участвовавших в Первой Балканской войне сторон и являлись частью информационной борьбы за симпатии европейской и русской общественности с целью воздействия на соответствующие правительства. См.: *Гусев Н.С.* Болгария, Сербия и русское общество во время Балканских войн 1912–1913 гг. М., 2020. С. 177–189.

- 24 *Ровинский П.А.* Албанцы и албанское движение // Известия МИД. 1912. Кн. 6. С. 153; *Погодин А.Л.* Албанский вопрос // Вестник Европы. 1910. № 10. С. 343; *Петряев А.М.* Албания и албанцы... С. 7.
- 25 Славянские известия. 1913. № 23. С. 375.
- 26 *Ровинский П.А.* Албанцы и албанское движение... С. 150–151.
- 27 *Гальберштадт Л.И.* Албанский вопрос — Политика младотурок // Русская мысль. 1910. № 8. С. 190; *Бауэр О.* Борьба за Албанию (пер. Н. Гарри) // Современник. 1913. № 5. С. 183.
- 28 Славянские известия. 1912. № 5. С. 67.
- 29 Подробнее о ней см.: *Сенкевич И.Г.* Албания в период Восточного кризиса (1875–1881). М., 1965; Краткая история Албании. М., 1992; Албанский фактор в развитии кризиса на территории бывшей Югославии. Документы Т. 1. 1878–1997 гг. М., 2006; *Искендеров П.А.* Сербия, Черногория и албанский вопрос в начале XX века. СПб., 2013; Независимость Албании в общебалканском контексте. К 100-летию образования Албанского государства. М., 2014.
- 30 *Русанов Н.С.* Трудность решения Балканского вопроса — оборотная сторона медали. Обширность раскрывающихся перспектив // Русское богатство. 1912. № 12. С. 256; *Вейдемюллер К.* Второй акт (по поводу турецких событий) // Современный мир. 1912. № 8. С. 231; *Ровинский П.А.* Албанцы и албанское движение... С.171–176.
- 31 *Русанов Н.С.* Трудность решения Балканского вопроса — оборотная сторона медали. Обширность раскрывающихся перспектив // Русское богатство. 1912. № 12. С. 256; *Swire J.* Albania: The Rise of Kingdom. L., 1929. P. 42–46.
- 32 *Гальберштадт Л.И.* Албанский вопрос — Политика младотурок // Русская мысль. 1910. № 8. С. 191; *Бауэр О.* Борьба за Албанию (пер. Н. Гарри) // Современник. 1913. № 5. С.184.
- 33 Цит. по: *Сенкевич И.Г.* Освободительное движение албанского народа в 1905–1912 гг. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1959. С. 70.
- 34 *Русанов Н.С.* Продолжение турецкого кризиса // Русское богатство. 1912. № 8. С. 107.
- 35 *Петряев А.М.* Албания и албанцы... С. 12.
- 36 *Погодин А.Л.* Албанский вопрос // Вестник Европы. 1910. № 4. С. 353; *Слонимский Л.* Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1913. № 1. С. 407; *Поповић Д.* Борба за народно уједињење од 1908. до 1914. Београд, 1936. С. 112; *Swire J.* Op. cit. P. 89; *Войводић М.* Скадарска криза. Београд, 1970. С. 19; *Kondis V.* Greece and Albania. 1908–1914. Thessaloniki, 1976. P. 13.
- 37 *Горцев [Б. инициалов].* Государственный кризис в Турции // Современник. 1912. № 8. С. 297; [Б.а.] Иностранное обозрение. Турецкий кризис // Вестник Европы. 1912. № 8. С. 436; *Русанов Н.С.* Борьба за автономию национальностей в Османской империи // Русское богатство. 1912. № 7. С. 118.
- 38 *Kondis V.* Op. cit. P. 173.
- 39 Славянские известия. 1912. № 2. С. 23; *Слонимский Л.* Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1913. № 4. С.401.
- 40 *Слонимский Л.* Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1913. № 1. С. 408; Славянские известия. 1913. № 17. С. 268.
- 41 Славянские известия. 1913. № 23. С. 365, 372.
- 42 *Русанов Н.С.* Кровавый хаос на Балканском полуострове // Русское богатство. 1913. № 9. С. 325.
- 43 *Ковалевский М.М.* Судьбы Балкан // Вестник Европы. 1913. № 4. С. 200–204.

- 44 Сазонов С.Д. Воспоминания. М., 1991. С. 58.
- 45 Славянские известия. 1912. № 4. С. 34; *Глебов В.Л.* Общие тенденции балканской политики великих держав в конце XIX — начале XX в. // Советское славяноведение. 1973. № 4. С. 26.
- 46 О реальном характере российско-черногорских связей в конце XIX — начале XX вв. см.: *Хлебникова В.Б.* Черногория: феномен национальной государственности. 1878–1916 гг. М., 2016. С. 154–156, 161.
- 47 Славянские известия. 1912. № 5. С. 64.
- 48 Сазонов С.Д. Указ.соч. С. 56.
- 49 *Милюков П.Н.* Воспоминания. М., 1991. С. 365.
- 50 Историја српског народа. Београд, 1983. Књ. IV. Т. I. С. 186.
- 51 Славянские известия. 1913. № 23. С. 363.
- 52 Правительственное сообщение по Балканским делам от 29 марта 1913 г. // Известия МИД. 1913. Кн. III. С.127.
- 53 *Левин И.О.* Война на Балканах // Русская мысль. 1912. № 11. С. 12; Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1912. №2. С. 386.
- 54 Славянские известия. 1912. № 2. С. 27.
- 55 Сборник дипломатических документов, касающихся событий на Балканском полуострове (август 1912 — июль 1913). СПб., 1914. № 40.
- 56 Там же. № 55.
- 57 *Puto A.* Aspects de la lutte diplomatique à propos de l'indépendance albanaise en 1912–1913 // Actes du premier congrés international des études balcaniques et sud-est européennes. Sofia, 1969. Vol. 4. P. 832.
- 58 *Борецкий-Бергфельд Н.* Ликвидация Балканской войны // Современный мир. 1913. № 5. С. 210.
- 59 *Ключников Ю.В., Сабанин А.* Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. М., 1925. Ч. I. № 364; *Swire J.* Op. cit. P. 173; *Puto A.* Op. cit. P. 832–838.
- 60 *Helmreich E.C.* The diplomacy of the Balkan war, 1912–1913. Cambridge-Mass., 1938. P. 255.
- 61 *Војводић М.* Разграничење Србије и Црне Горе с Албанијом 1912. — 1913. године // Историјски часопис. Београд, 1989. Књ. XXXVI. С. 151.
- 62 Сборник дипломатических документов... № 79, 84.
- 63 Там же. № 90; *Лајиновић А.* Питање Скадра у Првом балканском рату // Историјски записи. Цетиње, 1949. Књ. IV. Св. 1–3. С. 75.
- 64 *Коковцов В.Н.* Из моего прошлого. Воспоминания. 1911–1919. М., 1991. С. 206.
- 65 Сборник дипломатических документов... № 87.
- 66 Сазонов С.Д. Указ. соч. С. 104.
- 67 *Бьюкенен Дж.* Мемуары дипломата. М., 1991. С. 104.
- 68 *Милюков П.Н.* Указ. соч. С. 369.
- 69 *Водовозов В.* Балканская война и Россия // Современник. 1913. № 11. С. 264; *Б/автора.* Результаты политических событий на Балканах и наша внешняя политика // Вестник Европы. 1914. № 1. С. 428; *Погодин А.Л.* Славянский мир. Политическое и экономическое положение славянских народов перед войной 1914 г. М., 1915. С. 419; *Искендеров П.А.* Балканские войны 1912–1913 гг. // В «пороховом погребке» Европы. 1878–1914. М., 2003. С. 501; *Гусев Н.С.* Болгария, Сербия и русское общество во время Балканских войн 1912–1913 гг. С. 460.

- 70 Славянские известия. 1913. № 10. С. 145.
- 71 Славянские известия. 1912. № 5. С. 68.
- 72 *Бьюкенен Дж.* Указ. соч. С. 104.
- 73 Славянские известия. 1913. № 27. С. 422.
- 74 Славянские известия. 1913. № 26. С. 413.
- 75 Славянские известия. 1913. № 21. С. 347; *Бестужев И.В.* Борьба в России по вопросам внешней политики накануне Первой мировой войны (1910–1914) // Исторические записки Института истории. Т. 75. М., 1965. С. 65.
- 76 *Сазонов С.Д.* Указ. соч. С. 93.
- 77 Там же. С. 97.
- 78 Славянские известия. 1913. № 23. С. 365.
- 79 Славянские известия. 1912. № 2. С. 23.
- 80 *Thaden E.C.* Public opinion and Russian foreign policy toward Serbia, 1908–1914 // Велике силе и Србија пред Први светски рат. Београд, 1976. С. 217–232.
- 81 *Бауэр О.* Борьба за Македонию // Современник. 1913. № 2. С. 221; *Kondis B.* Op. cit. P. 89.
- 82 *Вейдемюллер К.* Международная революция // Современный мир. 1912. № 11. С. 305.
- 83 *Бауэр О.* Борьба за Македонию... С. 221.
- 84 *Горцев.* Балканский вопрос и интересы демократии // Современник. 1912. № 12. С. 368.
- 85 *Борецкий-Бергфельд Н.* Рецензия на сборник «Славянский вопрос в его современном значении». СПб., 1913 // Современный мир. 1913. № 3. С. 154.
- 86 *Вольский В.* Неожиданные славянофилы // Современный мир. 1912. № 12. С. 271.
- 87 *Борецкий-Бергфельд Н.* Рецензия на сборник «Славянский вопрос в его современном значении». С. 156.
- 88 *Бауэр О.* После Балканской войны // Современник. 1913. № 6. С. 223.
- 89 *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений (далее — ПСС). Т. 22. М., 1968. С. 135–139, 142, 187, 198; Т. 23. М., 1973. С. 38–39.
- 90 *Он же.* ПСС. Т. 22. С. 136–137.
- 91 *Он же.* ПСС. Т. 23. С. 121.
- 92 *Он же.* ПСС. Т. 22. С. 115, 137, 146; Т. 23. С. 39, 122.
- 93 *Он же.* ПСС. Т. 22. С. 137.
- 94 *Он же.* ПСС. Т. 22. С. 138 146–150. Ср. Т. 22. С. 115–116, 151.
- 95 *Он же.* ПСС. Т. 22. С. 158, 187–188.
- 96 *Он же.* ПСС. Т. 22. С. 116, 135. Ср.: *Искендеров П.А.* Российская и европейская пресса о событиях в Албании (конец XIX — начало XX вв.) // Славяне и Россия: славянские и балканские народы в периодической печати. М., 2014. С. 250.
- 97 *Русанов Н.С.* Политическое интермеццо в балканской трагедии: сдача Скутари // Русское богатство. 1913. № 5. С. 277.
- 98 *Русанов Н.С.* Трудность решения Балканского вопроса. Обратная сторона медали. Обширность раскрывающихся перспектив // Русское богатство. 1912. № 12. С. 258.
- 99 Там же. С. 261.
- 100 *Русанов Н.С.* Новое решение старого вопроса: борьба балканских государств против Турции // Русское богатство. 1912. № 11. С. 363.

- ¹⁰¹ Русанов Н.С. Трудность решения Балканского вопроса... С. 259.
- ¹⁰² Русанов Н.С. Политическое интермеццо... С. 273–280.
- ¹⁰³ Славянские известия. 1913. № 18. С. 284; *Кострикова Е.Г.* Первая Балканская война и российское общество // Вестник РУДН. Серия «История России». 2009. № 4. С. 101.
- ¹⁰⁴ Милюков П.Н. Указ соч. С. 112.
- ¹⁰⁵ Там же. С. 125. Ср.: *Тимофеев А.Ю., Живанович М.* Можно ли рассматривать доклад Комиссии Карнеги о причинах и ведении Балканских войн 1912–1913 гг. как исторический источник // Славянский альманах. 2017. Вып. 1–2. С. 100–120; *Гусев Н.С.* Указ. соч. С. 266.
- ¹⁰⁶ Бестужев И.В. Указ. соч. С. 63.
- ¹⁰⁷ Отзыв на нее см.: *Борецкий-Бергфельд Н.* Рецензия на сборник «Славянский вопрос в его современном значении». С. 155; Славянские известия. 1912. № 5. С. 64.
- ¹⁰⁸ Противоположную точку зрения на позицию П.Н. Милюкова в этом вопросе см.: *Илюхин М.Ю.* «Особая позиция» П.Н. Милюкова по вопросам внешней политики в период Балканских войн 1912–1913 гг. // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. Орел, 2009. С. 50.
- ¹⁰⁹ Славянские известия. 1912. № 5. С. 64.
- ¹¹⁰ Цит. по: Славянские известия. 1913. № 24. С. 385.
- ¹¹¹ Цит. по: Славянские известия. 1913. № 19. С. 313.
- ¹¹² Бестужев И.В. Указ. соч. С. 64.
- ¹¹³ *Вольский В.* Неожиданные славянофилы... С. 271; Славянские известия. 1912. № 5. С. 71–72.
- ¹¹⁴ *Гальберштадт Л.И.* Албанский вопрос. — Политика младотурок // Русская мысль. 1910. № 8. С. 195;
- ¹¹⁵ Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1912. №9. С. 411.
- ¹¹⁶ *Жаботинский В.* Письмо из Константинополя // Вестник Европы. 1910. № 5. С. 329.
- ¹¹⁷ *Ковалевский М.М.* Судьбы Балкан // Вестник Европы. 1913. № 1. С. 197–224.
- ¹¹⁸ *Б/автора.* Результаты политических событий на Балканах и наша внешняя политика // Вестник Европы. 1914. № 1. С. 428; *Слонимский Л.* Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1914. № 6. С. 386.
- ¹¹⁹ Ср.: Славянские известия. 1913. № 1. С. 345–347.
- ¹²⁰ Славянские известия. 1912. № 4. С. 49.
- ¹²¹ Славянские известия. 1912. № 3. С. 33.
- ¹²² Славянские известия. 1912. № 4. С. 50.
- ¹²³ Там же.
- ¹²⁴ Цит. по: Славянские известия. 1913. № 19. С. 299. Схожая точка зрения высказывалась И.П. Табурно. См.: *Табурно И.П.* Доклад о ходе Балканской войны и ее результатах // Русские о Сербии и сербах. Т II (архивные свидетельства). М., 2014. С. 497–498.
- ¹²⁵ Славянские известия. 1912. № 4. С. 49.
- ¹²⁶ Славянские известия. 1913. № 9. С. 113.
- ¹²⁷ Славянские известия. 1913. № 18. С. 290.

- 128 Славянские известия. 1913. № 4. С. 205.
- 129 Славянские известия. 1913. № 52. С. 705–706.
- 130 Славянские известия. 1913. № 14. С. 213.
- 131 *Коковцов В.Н.* Указ. соч. С. 213; *Бестужев И.В.* Указ. соч. С. 70.
- 132 Славянские известия. 1913. № 19. С. 314.
- 133 Там же. С. 315; *Поповић Д.* Борба за народно уједињење од 1908. до 1914. Београд. 1936.
- 134 *Сазонов С.Д.* Указ. соч. С. 104; *Бестужев И.В.* Указ. соч. С. 71.
- 135 Славянские известия. 1913. № 21. С. 345–347.
- 136 Там же.
- 137 Цит. по: Славянские известия. 1913. № 11. С. 162.
- 138 Арумыны (аромуны, цинцары, влахи, македоно-румыны) — народ, численностью до 300 тыс. чел. Проживают в Греции, Албании, Македонии, Сербии, Болгарии, Румынии. Считаются потомками влахов — романизированного населения Юго-Восточной Европы. Основное занятие в исследуемый период — отгонное скотоводство // См.: Большая российская энциклопедия. — Режим доступа: <https://bigenc.ru/ethnology/text/3452613>, дата обращения: 12.06.2021.
- 139 *Жаботинский В.Е.* Великая Албания // Фельетоны. Изд. 3-е, дополн. Берлин: Издательство С.Д. Зальцман, 1922. С. 195–203. — Режим доступа: zionistishpropaganda.wordpress.com, кнопка «Фельетоны 1922», дата обращения: 28.05.2021.
- 140 Там же. С. 197.
- 141 Там же. С. 195.
- 142 Там же. С. 197–200.
- 143 Там же. С. 201–202.
- 144 Славянские известия. 1913. № 15. С. 236.
- 145 Там же.